

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯНИСА ГРАНТСА **AUTOBIOGRAPHICAL MYTH IN THE WORK OF JANIS GRANTS**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности и принципы формирования автобиографического мифа челябинского поэта Яниса Грантса. Изучается биографическое мифотворчество в поэзии автора, а также отражение мировоззрения поэта в мифологии лирического героя.

Ключевые слова: автобиография; миф; автобиографический миф; мифотворчество; лирический герой; Янис Грантс.

Abstract: The article discusses the features and principles of the formation of the autobiographical myth of the Chelyabinsk poet Janis Grants. The biographical myth-making in the author's poetry is studied, as well as the reflection of the poet's worldview in the mythology of the lyrical hero.

Keywords: autobiography; myth; autobiographical myth; myth-making; lyrical hero, Janis Grants.

«В самом общем виде миф определяется как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах», – такое определение мифа даёт Владимир Николаевич Топоров [8, с. 161]. Понятие мифа, традиционно связанное с мифологическим типом сознания, ритуально-церемониальным комплексом и мистико-экстатическими практиками [3, с. 921], не перестало быть актуальным с уходом в прошлое мифологического сознания, «...миф, являясь неотъемлемой частью культуры, продолжает существовать и развиваться в современном мире, принимая новые формы», как отмечает исследователь П. Н. Барышников [1, с. 182]. В ключе данного исследования нас интересует такая категория литературоведения, как автобиографический миф.

Автобиографический миф – это «...исходная сюжетная модель, получившая в сознании автора онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве» [6, с. 10]. В современной науке о литературе, помимо традиционного использования писательской биографии как источника сведений о творческой истории создания художественных текстов, все большее применение находит такое понимание биографии, при котором предметом исследования становится биографическая легенда, создаваемая самим автором и его читателями. Источники этой

легенды – в первую очередь quasi-биографические сочинения: «исповеди», «признания», «дневники», «путевые записки», письма, интервью.

Для нашего исследования также важно понимать, что автобиографический миф – это не только автобиографическая легенда, не только искусственное конструирование через интервью и произведения представления о биографии автора. Исследователь Дробинин утверждает, что рассмотрение такого мифа как «текста судьбы», то есть превращение биографии автора в художественное произведение, актуально в ключе произведений модернистских. Если же рассматривать авторов авангардных, для них автобиографический миф выходит на более глубокий уровень. «Мифотворчество авангарда современно творческому акту, оно сиюминутно и относится к адекватному настоящему на момент создания произведения, взгляду автора на мир и опыту взаимодействия с миром» [2, с. 11]. Восприятие мифа как отражения взгляда на мир также особенно важно в ключе нашего исследования.

Материалом для нашей работы стало творчество челябинского поэта Яниса Грантса. Он родился 1 февраля 1968 года во Владивостоке. В связи с военной службой отца жил в Советской Гавани, Ленинграде, Кирове. Учился на историческом факультете Киевского государственного университета. Служил срочную службу на большом десантном корабле Северного Флота. После службы остался в Заполярье и работал на торговых, рыболовецких судах, буксирах, приписанных к Мурманску и Архангельску. В Челябинске Янис Грантс живет с 2002 года.

Поэт наследует традиции авангардистов, в связи с этим и автобиографический миф у писателя является не конструированием биографии, а структурой более глубокой.

Автобиографическая составляющая занимает значимое место в творчестве Яниса Грантса, особенно связанная с пространственной категорией. Топологическая биография Грантса сюжетируется и становится основой произведения: «Владивосток. Родился. Кажется, // в 1968 году. Могу ошибаться. // Киров. Отвезли в бессознательном возрасте. // Челябинск. Несколько лет».

Исследователь региональной поэзии Е. А. Смышляев отмечает, что лирический герой странствует по топосу хаоса, стремится найти выход из мира бессознательного [7, с. 98]. И этим выходом становится Челябинск. В целом этот город занимает доминирующую позицию в творческом хронотопе Грантса. Как утверждал сам автор: «Город в моем творчестве выходит на первый план, становится героем». При этом город, возникая как фон во многих произведениях, становится инструментом для реализации мотива противостояния человека и мира. Город нависает, давит на человека. Но принципиально тут важно, что в отношении к Челябинску смешиваются два ощущения. С одной стороны – «бездна Че» (город, как хтоническое чудовище – замечает Е. А. Смышляев), с другой – «Люблю город. В городе – улицу Сони Кривой». И эти подходы именно смешаны, а не разделены, отношение лирического героя к Челябинску – единство противоположностей. Это находит свое отражение в стихотворении «Розмарин»: «Ненавидим ты и единственен, // город Че».

О пространственной автобиографичности говорит А. В. Штраус, исследователь проблемы лирического героя в современной поэзии: «И для произведения,

и для самого процесса творчества основополагающими становятся именно топографические характеристики: автор и герой неслучайно живут в одном городе, крае и т. д. Этим совпадением места в значительной мере определяется объем воспринимаемого читателем художественного мира» [9, с. 16]. Важно здесь для автора то, что такой подход распространен в региональной поэзии – где до этого пространство особого места не занимало.

Мы же обратим внимание на другой аспект – значимость самого лирического героя. Как мы уже отмечали выше, миф представляет собой способ мироощущения, таким же отражением мироощущения автора в ключе автобиографического мифа становится лирический герой – он отражает весь взгляд на мир, который хочет высказать поэт. Лирический герой у Грантса, как отмечает Е. А. Смышляев, элемент игры, множество масок, зачастую связанных с маргинальностью, исповедальностью. Но в этом можно проследить и определенную тенденцию: за всеми масками и вариантами чаще всего герой Грантса страдает, он одинок, на него давит город. Не всегда эти характеристики встречаются вместе, но так или иначе комбинируются. Рассмотрим несколько ключевых стихотворений автора.

Лирический субъект стихотворения «Небо» создан в ключе всех отмеченных выше тенденций: он – маленький человек в большом городе, на него давит это небо, под ним кончается асфальт: «и качался асфальт, как палуба. // и кончалось на небе крошево». Он одинок, герой ждет кого-то, ждет и ждет, но дожидаться не может. Именно поэтому герой страдает: «Маленький человечек под снегом, на ветру, кого-то ждёт. Ждёт, но знает, что всё уже предрешено», – говорит о произведении сам автор. Сила рождающейся боли автором сравнивается с «атомным следом».

Другое стихотворение Яниса Грантса – «Ничего не случится» – важно рассмотреть по той причине, что оно ломает рассмотренные выше тенденции, открывает в страдании и безысходности «окно». Две пространственные системы в стихотворении разделяют два мира: мир города Че, пространство образной системы птиц, и мир личный, пространство лирического субъекта. Важно здесь то, что есть и одиночество («одинокие птицы»), и пугающий фон города («бездна Че»), и страдание («разбиваются о края»). Но все это существует не там же, где герой. Пространство птиц – реальный, открытый мир, по сути, ломает романтическую образную систему: птицы, которые стараются вырваться за края, за пределы реально мира. Поэт показывает нам, что за этими пределами ничего не ждет – создается ощущение безысходности: «одинокие птицы, // пролетая над бездной че, // разбиваются о края». Но значимость этого текста в том, что он оптимистичен: герой внутри своего мира может быть счастлив, счастлив – потому что не одинок: «я нисколько даже и не умру. // и никто из нас».

Особенно эта мысль важна в ключе автобиографического мифа, потому что она реализует позицию, обозначенную Янисом Грантсом в одном из интервью. Он вводит такое понятие, как «не_пробел_счастье» – состояние человека, в котором он пребывает всю жизнь: «Человек несчастен. Человек одинок. Любви нет. Впереди только грусть». Но Грантс не заикливается на трагичности данного факта, он идет дальше: «Это и определенный посыл, свет в конце туннеля: найди

свое счастье, преодолей свое одиночество». В унисон тексту «Ничего не случится» поэт говорит в продолжение мысли о том, что впереди только грусть: «Радуйся тому, что есть». Взгляды поэта на мир находят отражение в творчестве – именно в этом заключается автобиографический миф. Мировоззрение лирического героя, биографически синонимичного автору, становится отражением самого этого автора.

Таким образом, автобиографический миф Яниса Грантса расширяется за пределы классического понимания. Поэт не просто конструирует свою художественную биографию, он формирует в лирике свой образ и образ своего мировоззрения. Мир Яниса Грантса отражается в его автобиографическом мифе, последний становится способом глубокой рефлексии и синтеза авторского мироощущения с поэтическим творчеством. В этом плане термин «миф» возвращает свое классическое понимание – способ концентрации представлений о мире. В нашем случае эти представления локальные, связанные с авторским образом в творчестве Яниса Грантса.

Библиографический список

1. Барышников, П. Н. Мифология современности / П. Н. Барышников // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 1 – С. 182–189.
2. Дробинин, Г. Д. Поэтика А. Л. Хвостенко: язык – миф – литературный код : дис. ... канд. филол. наук / Г. Д. Дробинин. – Самара, 2015. – 210 с.
3. Дробинин, Г. Д. Язык-игра-миф в структуре творческого хронотопа в поэзии А. Хвостенко / Г. Д. Дробинин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 2-4. – С. 921–926.
4. Лотман, Ю. М. Введение: быт и культура / Ю. М. Лотман // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). – СПб. : Искусство – СПб, 2002.
5. Магомедова, Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: дис. ... д-ра филол. наук / Д. М. Магомедова. – М., 1998. – 224 с.
6. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – 357 с.
7. Смышляев, Е. А. Мифологизация Челябинска в поэзии Яниса Грантса / Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 96–101.
8. Топоров, В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С.161–166.
9. Штраус, А. В. Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990-х – 2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Штраус. – Пермь, 2009. – 138 с.
10. Эйхенбаум, Б. М. Литературный быт; Литература и писатель; Литературная домашность / Б. М. Эйхенбаум // Мой временник. Маршрут в бессмертие. – М. : Аграф, 2001. – С. 49–87.